

10-140к. ↗

КРОВАВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИСТОВ

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Чудовищный приказ гитлеровского генерала об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах

Наши войска в городе Калинин, после очищения его от немецких оккупантов, обнаружили архив гестапо (немецкой охраны), который немцы не успели увезти. Среди многочисленных документов этого архива найден приказ командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала фон-Рейхенау от 10 октября 1941 года «О поведении войск на Востоке». Как явствует из препроводительного к этому приказу документа, разосланного из канцелярии «Уполномоченного начальника охранной полиции и СД при начальнике тылового военного округа, 102», — приказ генерал-фельдмаршала фон-Рейхенау одобрен Гитлером.

Приказ генерала Рейхенау, призывающий солдат немецкой армии к уничтожению всех культурных и исторических ценностей, принадлежащих советскому народу, к истреблению советского населения в занятых немцами районах — настолько чудовищен и циничен, что содержание его должны знать все советские люди и весь цивилизованный мир. Приводим приказ.

«О ПОВЕДЕНИИ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ»

По вопросу отношения войск к большевистской системе имеются еще во многих случаях неясные представления.

Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина.

К борьбе с врагом за линией фронта еще недостаточно

94

серьезно относятся. Все еще продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков — женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все еще как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Пленные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь. Подобное отношение войск объясняется только полным легкомыслием. Руководству сейчас своевременно разъяснить смысл настоящей борьбы.

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью.

Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже и в том случае, если это является трофеями. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. **Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.**

Для сохранения важного в военнохозяйственном отношении сырья и промышленных объектов руководство дает специальные указания.

Необходимо полное разоружение населения в тылу сражающейся части, принимая во внимание протяженность и уязвимость путей подвоза. Где возможно, прятать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если же условия боя не позволяют этого, то оружие и боеприпасы выводить из строя. В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан применять в отношении их решительные и жестокие меры. **Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений.** Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуется на то, что с ними обращаются, как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности.

Главнокомандующий фон-Рейхенау,
генерал-фельдмаршал.

Итак, Гитлер и его приспешники дали немецким солдатам приказ истреблять на занятой ими территории мирное население, лишать население хлеба и воды, уничтожать памятники истории, культуры и искусства, т. е. иными словами дали приказ об уничтожении русской нации, украинцев, белоруссов и всех других народов, населяющих Советский Союз.

Во исполнение этого людоедского приказа Гитлера банда варваров, насильников и убийц истребляет наших бойцов, попавших в плен, убивает десятки тысяч мирного населения — мужчин, женщин, детей, стариков, насилует девушек, сжигает города и деревни, школы, клубы, библиотеки, взрывает такие памятники истории и культуры, как монастырь «Новый Иерусалим», старается стереть с лица земли память о гениях русского народа Л. Н. Толстом, Чайковском, о гении украинского народа Тарасе Шевченко.

Немецкие захватчики захотели иметь истребительную войну. Они ее получили. Гитлеровские бандиты хотели запугать советский народ, — в ответ получили ненависть, презрение, неукротимую волю разгромить армию немецких захватчиков. Неслыханные преступления, какие творят немецкие захватчики на нашей земле, лишь приближают их окончательную гибель.

Совинформбюро.

Чудовищные преступления немцев в селе Ксты

Чем ближе подходила Красная Армия к нашему району, тем чудовищней становились зверства фашистов. Они старались выместить свои неудачи на мирных жителях, на беззащитных женщинах, стариках и детях. Кроважадные звери уже не удовлетворялись грабежом и насилием. Они задались целью поголовно истребить население захваченных сел.

Настало 9 января. Уже недалеко слышались оружейные залпы. Фашисты готовились к бегству, не выдерживая ударов Красной Армии. В этот день в село Ксты, Заевского сельсовета, Пеновского района, нагрянула банда эсэсовцев. Они врываются в каждую избу, выталкивали женщин и стариков, кричали: «Идите на собрание!». Женщины хотели оставить детей дома, но гитлеровцы требовали, чтобы выходили решительно все. Было приказано нести даже грудных младенцев. Собираться велели к большому сараю на окраине села. Все это не сулило ничего доброго. По селу поднялся плач и крик.

Первыми подошли к сараю пять женщин с грудными ребятами. Палачи вырвали у матерей детишек и тут же прикончили их ударами прикладов. Потом застрелили женщин. У колхозницы Гараевой на руках был двухлетний сын, а две девочки — шести и семи лет — держались за ее подол.

— Мама! — кричали девочки. — Куда ты нас ведешь? Нас всех убьют...

Мать умоляла бандитов пощадить хотя бы детей, но слезы не трогали извергов. Эсэсовец вырвал у Гараевой сынишку и разбил ему голову о столб. Обоих девочек застрелил. Самое Гараеву подвергли диким мучениям, а потом расстреляли.

Все это походило на какой-то кровавый кошмар. Даже дикие звери неспособны так истязать свои жертвы, как истязали гитлеровцы мать Гараевой. Потом изверги подожгли сарай. Нестерпимый жар привел мать Гараевой в себя. Ощупью она выползла наружу. Это — единственный человек, оставшийся в живых в селе Ксты. Остальные 70 были зверски убиты и сожжены.

Из села Ксты палачи отправились на хутор Ионово, того же сельсовета. Здесь оставалось всего несколько жителей. Эсэсовцы решили расправиться и с ними. Они вытащили из избы мою 95-летнюю бабушку Палагею Евстигнеевну Смирнову и застрелили ее.

Невозможно перечислить всех страшных злодеяний, учиненных немцами в нашем районе. Только беспощадной местью можно отомстить оккупантам за их зверства.

Л. Волконский.

г. Пено, Калининской области.

Письмо матери

Красноармеец Василий Чигинский получил от своей матери Марии Михайловны письмо из города Алексина, недавно освобожденного нашими войсками. В этом письме, текст которого мы печатаем ниже, старая швея, работница Алексинской инвалидной мастерской, рассказывает о злодеяниях фашистских оккупантов.

«26. XII. 41 г.

Здравствуй, мой дорогой сын Вася!

Получила от тебя последнее письмо от 20 сентября, ждала еще с новым адресом и не дождалась. Но, наконец, наш Алексин снова стал советским городом. 17 декабря наша родная Красная Армия выбросила проклятого немца из Алексина и до сих пор гонит этого зверя в образе человека.

Мой милый, родной сыночек! Теперь я могу не спрашивать тебя, как ты живешь на фронте. Два месяца и десять дней я сама была на передовой линии. Чего только ни пережила в эти страшные дни?! Полтора месяца назад проклятый людоед занял комбинат и Мышегу, а сюда, к нам, все время палил снарядами, минами и бомбил. А 7 декабря занял Алексин и хотел зимовать здесь, поедая нас всех живыми.

Дорогой! Невозможно тебе описать все те злодеяния, которые они совершали над мирными жителями и пленными красноармейцами. Я о тебе в это время не думала, я смотрела на красноармейцев как будто на тебя и чуть-чуть не сошла с ума. Их, бедных, разули и даже раненых погнали босыми, кушать ничего не давали. Лежали в окопах раненые без всякой помощи. Жителям приказали, чтобы к ним не подходить. А мы ночью ползком добирались до окопов и облегчали их страдания.

В это время я говорила: пусть мой сын никогда не попадает в плен. Лучше убей одного паразита, а потом са-

мого себя. Только не сдавайся, прошу тебя, ни при каких условиях! У нас около моста три красноармейца умерли героями. Немцы вошли, а они за дровами. Те строчат из пулеметов, кричат — сдавайся, а они уложили пять паразитов и все-таки не сдались.

Дорогой мой! Что было! Невозможно описать злодеяний немцев. Все обобрали — коров, коз, кур, все тряпки, до последних детских чулок. Все, все брали — швейные машины, даже корыто, веник, самовар и трубу. Потом изверги повесили директора ресторана Агафонова, завхоза райисполкома Казакова, заведующего производством Афонина.

Будь он проклят, Гитлер-зверь, со всей своей ордой! Бей, казни фашистов, не жалея ни одного ни при каких условиях. Отплати за наши слезы и страдания детей и стариков.

А когда стал немец отступать, все совершенно сжег. Бедные дети выскакивали босые на снег. Мария Владимировна, которая торговала в инвалидной лавке, так и сгорела, не дали ее вынести из дома.

Дорогой мой, всех ужасов не описать. Я первое время пряталась от бомбежки и минометов в бору с красноармейцами, в бомбоубежище. Это было две недели, а потом сидела в своем подвале и шила своим дорогим командирам и красноармейцам маскировочные халаты. Они меня, родные, спасли от голодной смерти. Принесли мне хлеба и муки.

В городе остался один только дом райисполкома, баня, рядом с аптекой магазин, инвалидная столовая и — все. Весь город и все окраины сожжены. Но наша окраина, кусочек Шемиловки, уцелела, хотя и обезображена, но жить можно.

Будь здоров, мой родной! Теперь мы понемногу будем восстанавливать жизнь. Главное — быть живыми и гнать без оглядки этих проклятых извергов. Сыночек, ты сам знаешь, что я больная, нервная, но я сейчас готова казнить проклятых немцев за их издевательства над всем русским народом.

Пиши, мой родной. Мне нужна твоя справка, что ты в армии и я нахожусь на твоём иждивении. Привет от всех и Марии. Целую несчетное количество раз. Пиши быстрее.

Родные командиры и красноармейцы, я пишу сыну, но если его нет в живых, то прошу вас, ответьте за него хотя несколько слов.

Мой адрес: город Алексин, Московской области, Шемиловка, дом № 78, Марии Михайловне Чигинской.

Твоя мать“.

Из фронтового блокнота

САПОГИ

Сапоги были из лучшей львовской кожи, толстой и мягкой. Они изящно облевали офицерскую ногу. Но увы! Сапоги были хороши для парижских бульваров и совершенно не рассчитаны на нашу зиму. Валенки Коли Сазонова, напротив, были неказисты, но зато им был нипочем северный мороз.

Офицер, семенящий вдоль улицы села Нового, увидел Колю и его валенки. На минуту остановился, затем крикнул: — Хальт!

Смысл этого слова в захваченных немцами деревнях звучит, как щелканье затвора. Коля знал, что за ним обычно следует автоматная очередь, поэтому немедленно остановился. Офицер сгреб мальчика за шиворот и поволок его к себе в избу. Немец стащил с обмороженных ног изящное изделие львовских кустарей. Но случилась беда. Нежная кожа лопнула. Офицер выругался. Затем он сорвал с коленных ног валенки и сунул в них свои ноги. Мальчик рыдал, стоя босыми ногами на холодном полу. Офицер еще раз взглянул на свои сапоги и бросил их Коле.

Дома родные Коли с отвращением забросили сапоги под кровать. Но не успел мальчик отогреться на печи, как в избу ввалился фельдфебель.

— Где сапоги господина офицера?

Мать Коли полезла под кровать, взяла сапоги и передала их немцу. Фельдфебель достал из мешка истоптанные солдатские опорки и, бросив их на пол, молча ушел, не закрыв дверь.

Через час в избу ввалился солдат.

— Где сапоги господина фельдфебеля?

— Сапоги? — удивилась мать, доставая фельдфебельские опорки. Немец сел среди избы, разматал ноги, завернутые в полотенце, под которым оказались галоши. Затем, напялив фельдфебельский хлам, солдат убрался из избы. Вечером в дом ворвались два пьяных солдата.

— Вот вор! — завопил один из них, накинувшись на Колю.

— Ты украл сапоги Ганса!

Громили подобрали галоши, оставленные Гансом, и скрылись из дому, споря, кому должна принадлежать добыча.

Мать Коли кинулась в слезах к офицеру. Офицер выслу-

шал, крикнул двух солдат, что-то сказал им по-немецки. Солдаты весело загоготали, схватили женщину и поволокли ее из избы. Они потащили ее домой. Затем стащили Колю с печки. Один из них держал Колю за руки, другой насыпал мальчику на руки какого-то белого порошка и поднес горящую лучинку. Раздался взрыв. Раздирающий душу крик мальчика...

Недавно советские войска вышибли немцев из села Новое. Немногим фашистам удалось бежать от штыка и пули. Почти все участники чудовищного преступления остались на месте, сраженные выстрелами наших бойцов.

ПАЛАЧИ

Коротконогий, круглый, как бревно, фельдфебель стоял на крыльце в картинной позе, с руками, заложенными за спину. Перед ним на снегу, босые, стояли пленные красноармейцы.

— Ну-с, — прогнусавил фельдфебель, — кто же из вас большевик? Признавайтесь, каналы...

Пленные молчали.

— Не хотите, ну ладно, дать им «баню».

Из дома выбежало несколько солдат. Они кинулись на пленников, раздели их догола и заставили голыми лечь в сугроб. Затем появились солдаты с ведрами в руках.

— Кипяточком их, — скомандовал с крыльца фельдфебель.

Ледяная вода обжигала тело, но красноармейцы не издали ни звука.

— Теперь поддайте им пару, — распорядился все тот же фельдфебель.

Поставив ведра, палачи схватили палки и, как звери, бросились на беззащитных, полуживых людей. Они били до изнеможения.

Когда снег вокруг места казни стал розовым, палачи прекратили порку.

Но зверь в мундире еще не был сыт.

Хриплым голосом он пролаял:

— Окатите их.

Снова появилась вода. Вряд ли кто из лежавших в снегу почувствовал ее прикосновение. Затем фашисты потащили красноармейцев в холодный сарай без крыши. Через час фельдфебель подошел к сараю и заорал:

— Кто живой, выходи!

Но никто не откликнулся на его голос. Живых не было. Наши части, занявшие село Иверовское, нашли в одном

из сараев трупы людей, покрытых корой розоватого льда. Молча, не говоря ни слова, бойцы обнажили головы перед этой ужасной картиной. Лица бойцов были черными от бессонницы, от пороха и лесных костров. Бойцы стояли молча несколько минут, затем пошли на запад, вдогонку за врагом.

В. Антонов.

Восемь снимков

У пленного немецкого офицера был отобран фотографический аппарат и восемь снимков. То, что было изображено на этих снимках, заслуживает отдельного рассказа.

Офицер снимал последовательно, минута за минутой, казнь шести красноармейцев. Он делал это обстоятельно, стараясь не пропустить ничего. Для того чтобы снять с разных точек, он бегал вокруг виселицы. Иногда ему приходилось присесть на корточки. Он снимал казнь во всех подробностях. Он хотел запомнить все. Не надеясь на память, он хотел сохранить в фотографиях весь процесс казни. Он ложился на живот, в грязный, затоптанный сапогами снег, и снимал снизу, забегал сбоку, заглядывал жертвам в лицо, снимал сверху. Действительно, он не пропустил ни одного важного для казни обстоятельства.

Результаты получились такими, каких офицер предположить не мог.

Фотографии превратились в потрясающий по своей силе рассказ о мужестве советских людей.

На первой фотографии снята виселица с шестью веревками и шестью приготовленными петлями. За виселицей видна деревня, занесенная снегом, и широкая, совершенно пустынная улица. Дым, отгибаемый ветром, вьется над крышами. Не видно ни одного человека. Кажется, что все спрятались в свои хаты, закрыли двери, завесили окна.

И вот к виселице подошли немецкие солдаты. Это снято на втором снимке. Они пробуют, достаточно ли крепки веревки. Тощие, вислозадые, они прыгают, хватаясь за петлю, виснут на ней всем телом, поджимают ноги, изображая гимнастов. Уши их повязаны от мороза деревенскими теплыми платками.

Шесть красноармейцев, приговоренных к повешению, стоят неподалеку от виселицы. Им видно все. Они видят приготовленные для них петли, видят немецких солдат, ко-

которые испытывают крепость веревок. Они видят немецкого офицера, который, то пятясь, то подступая ближе, фотографирует их перед смертью.

Шесть человек стоят совершенно спокойно. Никто не отворачивается, никто не опускает глаз. Они стоят рядом, прикасаясь друг к другу плечами. Головы их непокрыты, волосы слегка запорошены снегом. Лица их спокойны и серьезны. Такими сняты они на третьей фотографии.

Шесть человек идут к виселице. Прохвост, снимавший их, даже не понял, какой силы полна эта фотография. Ни один из этих шести человек не запнулся, ни у кого не дрогнул шаг. Они идут гуськом; один за другим взбираются они на помост. Это конец. Они это знают. Несколько немецких солдат стоят поодаль, рядом с виселицей. Остановившимися глазами смотрят они на красноармейцев, решительно и спокойно взбирающихся на помост.

Вислозадые обезьяны в бабьих платках, которые прыгали, хватались за петли, дергали веревки, испытывая их крепость, не сумели сделать даже эту работу по-настоящему. Две веревки оборвались. Офицер, снимающий казнь, очевидно, лежал в это время на животе возле самого помоста. Он сфотографировал четырех человек, раскачивающихся на веревках, он сфотографировал даже миг, когда один из них поднес руку к шее, как бы стремясь растянуть петлю.

Он действительно ничего не пропустил. Видны две веревки с разорванными, лопнувшими петлями. Двух человек нет. Они сорвались и упали. Их снова подводят к помосту. У одного из них рассечена бровь. Им второй раз накидывают петли на шею. Офицер забежал справа и сфотографировал их сбоку. Они стоят, выпрямившись. Снова переживают они предсмертный час, второй раз готовятся к смерти. Лица их так же спокойны, только стали строже.

Но щуплый немецкий солдат, который сейчас накидывает на одного из них петлю, весь съежился, его скрючило от страха. Он подымает петлю, не глядя, отвернувшись; его бьет лихорадка, он держит эту петлю сведенными пальцами. Это мразь с автоматом, человек, который боится беззащитных людей, умирающих с непонятным ему величием. Людей, которые не падают на колени, не ползают по снегу, не молят о пощаде, людей, которые встречают смерть с таким презрением, как будто плюют всем немцам в глаза.

Гитлеровский офицер своими снимками рассказал не только о силе и мужестве советских людей.

Он рассказал о самом себе, — ничтожестве, жадно заминающем чужую смерть. Он рассказал о немецких солд

датах, о том, как крючит их от страха при виде людей, которые ничего не боятся, душу которых нельзя согнуть даже в смертный час.

Татьяна Тэсс.

Пережиты черные, страшные дни

1

Пребывание гитлеровских бандитов в Калининe сопровождалось неслыханным мародерством, разбоями и убийствами. Многие сотни советских людей были замучены в застенках гестапо и расстреляны на улицах города. На площади им. Ленина немцы схватили и повесили четырех рабочих только за то, что они вышли на улицу после четырех часов вечера. К ногам повешенных изверги подвязали дощечки с надписью: «Так будет со всяким, кто не повинуется немецким властям». Снимать жертвы с виселицы было запрещено под страхом расстрела.

Работницу фабрики им. Вагжанова тов. Вахонину ночью больную подняли с постели и учинили над ней кровавую расправу. Ее за ноги привязали к тягачу и полтора километра тащили по улице. Но и этого бандитам показалось мало. Полумертвую женщину избили резиновыми палками, а потом повесили.

Оккупанты надругались над многими девушками и женщинами. Ими была изнасилована жена красноармейца Полина Р. Ее схватили на улице, затащили в дом и целую ночь шесть садистов глумились над своей жертвой. Я знал Полину, она была красивая, жизнерадостная женщина. Сейчас она калека, лишилась рассудка. Наталью Первухину немцы убили за то, что она, доведенная голодом до отчаяния, попросила для троих своих малолетних ребят кусок хлеба.

Подобных примеров зверств немецких оккупантов можно привести сотни. Страшно подумать, что бы еще натворили эти бандиты, если бы войска Красной Армии не вышвырнули их из города. Пролитая кровь наших отцов, матерей и детей зовет к беспощадному мщению.

Б. Артеменко,
старший лейтенант.

Однажды ко мне на квартиру явился немецкий офицер и предложил мне назвать фамилии коммунистов и комсомольцев, оставшихся в городе. Я отказался это сделать, и меня под конвоем увели в тюрьму. В небольшом подвале было тесно и невыносимо душно. Слышны были стоны людей. В этом застенке гестапо я пробыл 20 дней, и они состарили меня на 20 лет.

Каждый день в подвале появлялся офицер с солдатами. Они били заключенных. Офицер почти каждый раз пускал в ход плетку. Как-то офицер особенно пристал к коммунисту тов. Захарову. Он бил его плеткой, топтал ногами, а потом застрелил из пистолета.

Заключенных в тюрьме почти совсем не кормили. Иногда выдавали сто граммов черного заплесневелого хлеба и немного холодной воды. Люди умирали каждый день. Много сошло с ума. Большинство товарищей держалось стойко. Как сейчас, помню членов партии Бушмарина и Черняева, которые на предложение назвать хотя бы одного коммуниста плевали палачам в лицо. Они были расстреляны фашистами после пыток.

Самыми тягостными минутами для заключенных была дерекличка. Она, как правило, сопровождалась новыми избиениями и издевательствами. Каждый раз после переклички несколько человек немцы уводили на расстрел.

Никогда не позабыть этих зверств немецких фашистов. Мстить им и мстить, беспощадно истреблять всех до единого — эту человеческую падаль.

Ф. М. Требов,
рабочий вагоностроительного завода.

Никогда не позабыть мне дней, когда в родном моем городе Калининe хозяйничали подлые фашистские оккупанты. В наше общежитие фабрики «Пролетарка» немцы явились в первый же день. Надо прямо сказать, были среди наших работниц и такие, которые надеялись, что смогут ужиться с немцами и что фашисты их не тронут. И вот в первый же день все мы сразу убедились, что это за мерзавцы.

— Никакие запоры, никакие замки не могли обезопасить комнаты общежития от грабителей. Кое-кто пытался не открывать немцам дверь, но это было еще хуже. Они взламывали замки и, ворвавшись в комнаты, беспощадно изби-

вали хозяев. При мне немцы вошли в комнату № 5 к тов. Емельяновой. Вошли и сразу уже начали везде шарить — в комоде, под кроватью, в сундуке. Света в городе не было, поэтому немцы у всех отбирали керосиновые лампы. Обыскав комнату Емельяновой, немцы заорали:

— Лампу дай!

Лампы у Емельяновой не оказалось. Немцы избили ее и ушли, захватив с собой будильник, бритву мужа, два кило муки, облигации и все белье.

Почти ежедневно немцы приходили в наши комнаты и делали обыск под предлогом поисков оружия. Но это был только повод для грабежа. У меня они забрали буквально все, кроме того, что было надето на мне. Является как-то один солдат, обшарил все углы и, не найдя уже ничего, снял с меня туфли. Через час идет другой. Снова обыск. И опять не найдя ничего, забрал резиновые тапочки, которые я надела вместо туфель. Я заплакала. Немец ударил меня и, уходя, снял по пути с подушек наволочки.

Вскоре после вторжения немцев начался голод. Есть было нечего. Люди ходили, как тени. Немцы нашли калининцам работу — разбирать на сгоревшей мельнице пшеницу и рожь. Сначала никто не хотел идти работать. Тогда немцы объявили, что будут платить за работу пшеницей: два килограмма за неделю работы. Голод кое-кого заставил пойти работать. И я однажды пошла, но посмотрев, что там творится, ушла домой. Боялась, что не вытерплю, что-нибудь неприятное скажу немцам, а за это расправа была одна — плетью по лицу и к стенке на расстрел.

Так вот и жили, дочиста обворованные, голодные, в темной, холодной комнате. К счастью, теперь все это уже позади, в прошлом.

М. Сидорова,
работница фабрики «Пролетарка».

Возвращение

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Дым валит из окон крайней хаты и густым черным столбом поднимался к зимнему нахмуренному небу. Пламя, блеснув в стекле, вырвалось через трубу и факелом осветило улицу. Затем клубы дыма показались в другом конце села, а через несколько минут по многим соломенным крышам

трещал и бегал желто-красный огонь, то поднимаясь толстым языком, то, припадая к соломе, шарил по ней, пылал искрами и вновь властно рвался к небу. С разных сторон неожиданно и грозно возникали яркие огненные очаги. Горело большое красивое село — Крепинка.

Немецкие автоматчики ходили по хатам, срывали с постелей одеяла, подушки, обливали их керосином, поджигали и спокойно выходили на улицу. Они стояли молча, с любопытством наблюдали, как маленькие, игривые струйки огня, точно змеи, ползали по стенам хат и соединялись в грозное гудящее пламя.

Немцы ходили по Крепинке, били прикладами в ставни, двери, стекла, таскали солому и, казалось, никак не могли насытиться огнем. А пожар все рос. Черной шапкой дыма было покрыто все село, и буйное пламя разгуливало по хатам от края до края, пожирая все, что попадалось на пути. И никто не бил в набат, в чугунную доску, никто не кричал, взывая о помощи, и только старые сельские псы, поджав хвосты, выли, задрав морды кверху.

Высокая гора, вставшая перед селом, как крепость, глубокие донские овраги и заснеженный лесок, покрытый румянцем пожара, цепенели в молчании. В селе было тихо. Всех жителей еще утром без вещей, без пожитков испуганной толпой угнали в далекую балку. Оттуда видно было лишь большое зарево над любимой Крепинкой да слышен был запах гари.

Не ушли из села только старики Иван Гордеевич Лукин и его жена Алена Михайловна. Еще в первый день прихода немцев они заперли язык на замок. Молча встретили они солдат с пулеметами и танками, молча глядели на грабеж, начавшийся сразу же по приходе германцев. Не заикнулись даже в момент, когда по их двору ходил офицер в засаленной шинели и непонятным картавым языком приказывал связать кабана, изловить гусей и вывести корову. Солдаты бегали по двору, кабан ревел, гуси кричали, поднимали свои рябые крылья, как паруса, и летали из угла в угол.

У Лукиных взяли все. Уцелели только два гуся, спрятанных Аленой Михайловной в стоге соломы в момент напряженной борьбы германской армии с кабаном.

Взяли все и у соседей. Из дворов Крепинки выгоняли на улицу овец, коров, телят, кудахтающих кур, гусей, лошадей. Били их длинными, как у циркачей, кнутами, кричали на оторопевших жителей:

— Рус, давай!

Люди стояли молча и глядели на произвол, грабеж среди

бела дня, прислушивались к противным гортанным немецким голосам. Было жалко гусей и коров, но не только это. Было что-то глубоко унижительное и оскорбительное в поведении солдат.

— Будто отняли честь, — сказал Иван Гордеевич.

Немцы не только отняли честь, но и надругались над ней, оскорбили женщин, опозорили девушек и, пьяные, с автоматами в руках бегали по селу и кричали:

— Рус, давай!

Так шли дни. Иван Гордеевич ходил по дворам и аккуратно записывал в свою потертую от времени книжку все, что награбили немцы. Здесь были и гуси, которыми славилось село, и петухи, лошади, коровы, сундуки с добром, нажитым годами, сапоги и даже бабьи юбки.

— Все получим сполна, — рассуждал он.

А немцы продолжали бесцеремонно и цинично отбирать у селян полушубки, валенки, ушанки, детские капоры.

Затем раскаты артиллерийской канонады стали слышней. Фронт приближался. Офицеры злились и нервничали. Растреляли двух партизан и бросили их в колодец. Увели в овраг женщин, убили кудрявого шустрого мальчонку, колодец, подожгли всю Крепинку.

И вот остались в селе Лукины. Они не пошли в овраг, а спрятались в сарае, и теперь под покровом ночи вышел Иван Гордеевич во двор, глянул на огненные языки пожара, на красное небо, на снег, почерневший от пепла, и заплакал. Горела Крепинка, где он родился, балагурил, куда возвращался с военной службы, приходил на побывку. Горела Крепинка, завоеванная в гражданской войне, новая, красивая, родная, в которой знакомы были каждая хата, бугорок, кустик. Слезы катились по морщинистому его лицу, по белой густой бороде. Он нашел свою записную книжку и дрожащими от волнения руками записал: «Сгорело село».

Крепинка горела несколько дней. И однажды ночью Иван Гордеевич заметил необычное движение машин, топот ног, неясные и непонятные крики команды. Он выскочил во двор и понял, что немцы уходят. Офицеры садились в машины, солдаты прыгали верхом на мотоциклы, танкисты поспешно разогревали замерзшие моторы. Из немногих уцелевших домов выскакивали заспанные, съезжившиеся от холода автоматчики, укрывшись одеялами, женскими шальями и перевязав головы платками. Они уходили мимо обгоревших, обугленных хат за Крепинскую гору. Началось отступление. Это была радостная ночь. Иван Гордеевич разбудил жену и вполголоса сказал ей:

— Жарь гусей!

Сам он пошел в сарай, долго рылся по всем углам и, наконец, на чердаке среди хлама нашел старый железный поднос, подаренный ему сорок лет назад в счастливый день свадьбы. Красный, с цветочками и узорами, он был во многих местах и особенно на краях съеден ржавчиной, но все же сохранил свою форму и даже рисунок.

Алена Михайловна хлопотала у плиты, жарила птиц, и запах гусяного жира заполнил маленькую кухонку, приютившуюся подле сарая.

Когда гуси были готовы и аккуратно уложены на поднос, покрыты какой-то чистой, но мятой салфеткой, Иван Гордеевич и Алена Михайловна напялили старенькие шубы и, оглянувшись кругом, вынесли поднос из кухни. Старики вышли на дорогу и направились трактом на бугор.

На востоке занималась заря. Было хорошее морозное утро. Кругом лежали бескрайние курганные степи, снег под ногами хрустел. Старики шли медленно. Внимательно вглядываясь по сторонам, они вышли на гребень бугра. Перед их глазами стояла широкая белая равнина, обросшая ковылем, а вдали осторожно шли люди. Это были разведчики. Они двигались притнувшись и с винтовками наперевес. Алена Михайловна прослезилась.

— Не плачь, не плачь...

Ускорив шаг, старики пошли навстречу разведчикам и потом остановились. Бойцы приближались. Иван Гордеевич держал поднос на вытянутых руках. Легкий ветерок шевелил его бороду и трепал концы салфетки, на которой карандашом кривыми печатными буквами крупно было написано: «Бойцам Красной Армии от Лукиных И. Г. и А. М.».

Алена Михайловна концом платка вытерла слезу.

— Не плачь, Алена, не плачь.

Красное зимнее солнце вылезло из-за кургана, и первые розовые блики упали на снег в степи. Бойцы уже были рядом. Тогда Иван Гордеевич набрал в себя воздух и во весь голос крикнул:

— Восстановителям нашей чести!

Он передал поднос жене и крепко поцеловал красноармейца.

— Не плачь, Иван Гордеевич! — сказала жена.

И впервые в жизни обычное красное солнце показалось им знаменем, солнцем счастья.

М. Мержанов.

О восьми повешенных в Волоколамске

Когда гвардейцы-танкисты части тов. Катукова ворвались в Волоколамск, они увидели на виселице на городской площади трупы восьми советских патриотов, замученных фашистскими палачами.

Никто не знал имен этих людей, принявших смерть с высоко поднятой головой, без страха и трепета. Бойцы Красной Армии сняли мучеников с виселицы и с воинскими почестями похоронили в городском саду, около памятника Ленину.

* * *

За последнее время, путем опроса местных жителей, сличения уцелевших фотографий и некоторых документов, удалось точно установить, кто были восемь повешенных в Волоколамске. Жертвами фашистских палачей явились московские комсомольцы. Вот их имена:

Константин Федорович Пахомов — конструктор завода «Серп и молот».

Николай Александрович Галочкин — конструктор завода «Серп и молот».

Павел Васильевич Кирьяков — крановщик завода «Серп и молот».

Виктор Васильевич Ординарцев — слесарь электрического цеха завода «Серп и молот».

Николай Семенович Каган — техник завода «Серп и молот».

Иван Александрович Маленков — рабочий — завода «Москабель».

Александра Васильевна Луковина-Грибкова — студентка художественного училища имени Калинина.

Евгения Яковлевна Полтавская — студентка художественного училища имени Калинина.

Биографии этих патриотов обычны. Всех их вырастила родина-мать. Изю дня в день воспитывали они в себе качества советского человека, простого и мужественного в своем героизме, — презрение к смерти, храбрость и отвагу, беспредельную любовь к родине и преданность партии Ленина — Сталина.

Константин Пахомов пришел на завод в 1931 году и начал работать электромонтером. Упорный в достижении поставленной цели, он окончил заводской техникум, стал конструктором. На заводе Константина знали многие — его можно было встретить у мартеновских печей, прокатных

станов, он работал в заводском спортивном обществе «Металлург», в редколлегии заводской газеты «Мартеновка». Его видели в аудиториях заводского института — он продолжал учиться. Вся жизнь тов. Пахомова принадлежала заводу, коллективу.

Павел Кирьяков — один из инициаторов стахановского движения на заводе. Его завалочная машина не знала ни простоев, ни аварий. Павел принимал активное участие в работе комсомольской и профсоюзной организаций. Он всегда находил время для военной подготовки и завоевал славу отличного стрелка.

Шура Луковина-Грибкова — энергичная и трудолюбивая комсомолка. Скромная и общительная, она относилась к любому комсомольскому заданию — будь оно самое малое — любовно и внимательно. Началась война, она проводила брата в Красную Армию, а сама пошла работать на фабрику.

— До войны можно было учиться, — говорила Шура подругам, — а сейчас этого мало: надо учиться и работать. Немцев прогоним — отдохнем.

В биографиях Виктора Ординарцева, Николая Галочкина, Ивана Маленкова, Николая Кагана, Жени Полтавской можно отыскать десятки черт, эпизодов, этапов, которые встретишь у любого молодого человека нашей родины.

Восемь комсомольцев до войны жили мирной жизнью — работали, учились. Началась война, и каждый из них в первый же день сказал себе: мое место в бою. Среди сотен тысяч заявлений с лаконической фразой «Прошу послать в Действующую армию» были и заявления Ординарцева, Маленкова, Полтавской, всех восьми.

Июльские дни прошлого года. Яростные попытки налетов врага на Москву. Во время одной из бомбежек по соседству с квартирой Пахомова враг сбросил фугасную бомбу. Запылал барак. Крепкий, плечистый человек первым бросился на помощь соседям. На нем загорелась одежда, ему обожгло руки, лицо, контузило, но он продолжал свое дело. Это был Пахомов.

Оборонительный рубеж под Смоленском. Изнурительной зной сменяется проливными дождями. Тысячи людей работают, не покладая рук. В одной из групп молодежи — хрупкая девушка. Мужским движением, широко расставив ноги, она ровно, без усталости выбрасывает лопату за лопатой тяжелого грунта. Это — Полтавская.

Просторная площадка с макетом танка посередине. На краю группа бойцов. Идет занятие группы истребителей танков. Среди обучающихся — Кирьяков.

Заседание комитета комсомола. На повестке: прием в члены ВЛКСМ.

— По-моему, это не вопрос — почему я иду в комсомол, — говорит юноша, одетый в спортивную майку. — Ведь фашистов все равно мне придется бить, не сегодня, так завтра. А я хочу идти на фронт только комсомольцем.

Это — Ординарцев.

Октябрь — ноябрь 1941 года. Над Москвой нависла тяжелая угроза. И именно в этот момент восемь кровных братьев и сестер — русские, белорусская, еврей, рабочие, интеллигенты, учащиеся — взяли в руки оружие. Они пошли на врага: защищать свой завод, свою школу, свой дом, семью, родную Москву, страну, которая вырастила и взлелеяла молодое сталинское племя.

Четвертого ноября прошлого года отряд направился к линии фронта, решив перейти ее в районе деревни Ченцы. Все одеты по-походному, с котомками за плечами, вооружены пистолетами, винтовками, гранатами.

— Веселые были товарищи, дружные, — вспоминает их попутчик командир тов. Клейменов. — Всю дорогу шутили. Я на них удивлялся: идут в первый раз на врага и об опасности — ни одного слова. Больше всего разговаривали, как встретят октябрьский праздник.

Перейдя линию фронта, отряд решил пробиться к логову врага — штабу фашистских войск. У Волоколамска пробирались кладбищем и натолкнулись на немецкую засаду. Фашистских автоматчиков было в десятки раз больше, но группа решила принять бой.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Перебегая от укрытия к укрытию, Кирьяков меткими выстрелами снимает вражеских автоматчиков. Один из бойцов вооружен пистолетом, оружием ближнего боя. Он смело пробивается вперед и открывает огонь по врагу.

Иссякают патроны, ранили двух комсомольцев. Тесней сжимается вражеское кольцо. Слышен гул автомобильного мотора. Это идет подкрепление к фашистским автоматчикам, не сумевшим сломить сопротивление горстки храбрецов.

Занималось утро. Все ближе враги. Раненые, собирая все силы, передвигаются от укрытия к укрытию, продолжая вести бой. Но силы далеко неравны. Перевес на стороне врага. Автоматчики замкнули кольцо — отряд был схвачен и обезоружен.

Пленных повели в Волоколамск, в дом гражданки Полины Даниловны Зиминой. Хозяйку выгнали на улицу. Двенадцатилетняя дочь Лина забралась на печку. Приехал фа-

шистский генерал. Шесть комсомольцев стояли возле дома на расстоянии, не позволявшем им переговариваться. Раненые, обессилевшие от потери крови, лежали на земле. Вокруг — несколько десятков немецких автоматчиков.

Первым ввели на допрос Пахомова.

— Офицеры стояли, — рассказывает Лина, — а переводчик сидел и записывал. Когда Пахомов вошел, ему сказали: сядьте. Он сел. Его спросили: фамилия? Он не сказал. Спросили: сколько лет? Он сказал: 24 года. Потом спросили: откуда? Он сказал: из Москвы. Потом все допытывались: знает ли он остальных товарищей? Он сказал: нет. А потом Пахомов ничего не стал отвечать. Он был перед ними гордый и разговаривал резко. Когда офицеры замучились его допрашивать, то они сказали: так вы ничего и не скажете? Он сказал: нет! Тогда его увели.

Вслед за Пахомовым ввели девушку.

— Она была очень смелая, — говорит Лина. — Ее спрашивают: вы кто? Она говорит: студентка. Как вас зовут? — Клава. Потом она попросила попить, ей дали. Она попила и снова села. Тогда генерал начал расспрашивать про товарищей, про Красную Армию, про пушки, а она говорит: я ничего не знаю, и вы меня не спрашивайте. Генерал разозлился, сказал что-то солдатам, и ее увели.

Ввели вторую девушку. Видимо, фашистские палачи рассчитывали, что девушки скорее заговорят, смалодушничают. Их надежды не оправдались. Лина рассказывает:

— Ее генерал спросил: у вас, наверное, мать есть? Есть, — ответила девушка.

— Вам ее не жалко? Она говорит: вы лучше себя пожалейте.

Офицер спросил ее: разве вы не боитесь смерти? Конечно, умирать не хочется, — сказала она. — Хотелось пожить, но если надо умирать за родину — умру.

Закончился допрос, из которого немцы ничего не узнали. После допроса, примерно в три часа дня, пленных повели по Солдатской улице на Солдатскую площадь. Герои шли в свой последний путь. Раненые отказались от помощи товарищей. Девушки шли, тесно обнявшись. Комсомольцы жали друг другу руки, обнимались и целовались. У них не вырвался вздох сожаления, слово о пощаде.

Отряд знал: за ними Москва, страна, многомиллионный народ-боец. Не смерть, а счастье и свободу родины, жизнь своего народа видели они сквозь муки и тяжести войны.

Пленных построили в ряд, сзади них, на расстоянии 10—15 шагов, стояли немецкие автоматчики. Офицер взмахнул рукой.

Семь человек упали. Восьмой обернулся к женщинам, детям, согнанным фашистскими убийцами на это кровавое зрелище:

— Не страдайте за нас, родные, бейте фашистов, жгите их проклятых! Не бойтесь, надейтесь — Красная Армия еще придет!

И вслед за этими словами несколько комсомольцев приподнялись из последних сил на колени, подняли руки, и над группой безмолвных женщин и детей, над родными полями и лесами Подмосковья разнесся предсмертный клич героев:

- Да здравствует наша родина!
- Да здравствует Красная Армия!
- Смерть немецким палачам!
- Да здравствует товарищ Сталин!

Снова загремели выстрелы. Немецкие автоматчики подбежали к комсомольцам и начали расстреливать их в упор. После расстрела комсомольцев потащили к виселице.

* * *

Сколько великих, мужественных героев вырастила наша родина, большевистская партия, товарищ Сталин!

В дни суровых, тяжелых испытаний все лучшие качества советского человека развернулись со всей силой. Беззаветно любить свою родину, отдать все свои силы, если надо, и жизнь за свой народ — к этому зовут подвиги восьми бесстрашных.

Погибли восемь — на их место пришли тысячи.

Под Волоколамском ни днем, ни ночью не давал покоя врагу партизанский отряд учителя Тагунова. Три сотни фашистов нашли себе могилу от руки партизан. На заводе «Серп и молот», воспитавшем героев отечественной войны, десятки новых юношей и девушек вступили в ряды комсомола. Из далеких тыловых областей в ряды бойцов Красной Армии вливаются новые комсомольские отряды: лыжники, десантники, истребители танков. Вся страна — единый военный лагерь. Весь комсомол — единый боевой отряд.

Расправил свои могучие плечи народ-богатырь, и вот уже покатались на запад под ударами частей Красной Армии фашистские захватчики. Уже давно стал снова советским Волоколамск. Крепнет сила народа, крепнет нажим на врага — он отходит, огрызаясь, на запад, битый, обмороженный, чующий свою черную смерть.

Услышь клич восьми патриотов, вся советская молодежь! Их героическая смерть зовет к непримиримой борьбе, к бесстрашию, к разгрому гитлеровских полчищ. Крепче удар по врагу! Все для фронта, все для победы! Пусть знает фа-

шистское отребье, что пробил для него последний час!
Мсть беспощадная, всенародная — вот наш ответ гитлеровским убийцам-палачам.

Бессмертная слава погибшим!
Смерть немецким оккупантам!

Н. Михайлов,
секретарь ЦК ВЛКСМ.

Т а н я

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Вереи, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыным и Сходней стали местами боев, Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными, стриженными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет»; и как потом в воздухе засвистели ремни, и

как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадлушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок? — злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провёл по ее спине пиллой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку на изготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цу-рюк!» и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса — час выводил ее на улицу на 15—20 минут. Наконец, изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы.

— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:

— Позавчера это ты была?

— Я... Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают — оружие сгорело...

В 10 часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:

— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.

— Скажите, где находится Сталин?

— Сталин находится на своем посту, — ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали — им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валеные сапоги исчезли — их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня...

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, и ящик закрипел по скользкому, утопанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завейла могильный холмик. А вскоре

пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке, и Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери.

П. Лидов.

М а т ь

В городе Уварове, за Можайском, в холодные ноябрьские дни 1941 года немцы замучили и умертвили женщину-партизанку Александру Мартыновну Дрейман и ее новорожденного сына. Она ушла в лес, в отряд, в дождливую ветреную ночь, когда на уваровской площади перед школой уже стояли вражеские танки, а немецкие автомобили двигались к Бородину и Можайску, — то было тревожное время наступления немцев на Москву.

Теперь никто не может припомнить, звали ли Александру Мартыновну в партизанский отряд. За оврагом, у палатки, все увидели эту уже немолодую женщину в ватной тужурке, в больших сапогах и темной косынке. Как человек, привыкший с детских лет к непрестанному труду, она сразу спросила у командира отряда Семена Хлебутина, что делать. Он усмехнулся и ответил: «Будь хозяйкой нашей...».

Александра Мартыновна засучила рукава тужурки, принесла из спадающего по камням ручья котел воды и с той минуты вошла в привычный жизненный ритм: сушила в землянке над камельком сапоги партизанам, возвратившимся с разведки, помогала повару варить обед, чистила оружие, убирала в палатке. И днем, и ночью трудилась Александра Мартыновна, и все в отряде стали для нее родными, близкими, она их в шутку называла «дети мои», хоть в лесу жили и пожилые люди. И ее они называли самым теплым словом — «мать».

Отряд уже действовал вторую неделю. Выпал снег, земля, затвердевшая и кочковатая, сравнялась, смолк птичий

говор в лесу, но не стихали ни выстрелы, ни пулеметная дробь, отдаленная и сухая, как треск палки по частоколу. В отряд приносили немецкие автоматы, каски, шинели, патроны — партизаны нападали на обозы, уничтожали фашистских карателей, бродивших по селам. Комиссар отряда Павел Фомин готовил людей к крупным операциям.

Враг подтягивал танковые дивизии для нового наступления на Москву. Фомин решил взорвать мост на магистрали и задержать движение немецких колонн. Нужен был опытный разведчик, знавший все тропы и дорожки в лесу: не по просекам, а по густым зарослям следовало вынести мины к мосту. Тогда в поход попросилась Александра Мартыновна. Она ведь знает уваровские леса, как свой дом, как село Поречье, где она выросла. В лесах этих не раз ходили они целыми днями, собирая грибы или ягоды для помещика, лозу для корзин. Здесь, вблизи Уварова, вместе со своей матерью Александра Мартыновна батрачила у помещика, потом, после революции, училась в сельской школе. В последнее время была председателем Ерышовского сельского совета. Как же ей не знать все тропинки и тайные дорожки в уваровских лесах?

Ночью на магистрали был взорван мост, когда на нем находились танки и автомобили с пехотой. К утру вернулись в лес партизаны, усталые, шумливые, проголодавшиеся. Только Александра Мартыновна забила в уголок в землянке, пролежала весь день под тулупом, вздрагивая от холода, бледная и задумчивая. Дважды к ней подходил комиссар отряда Павел Фомин. Но она куталась в тулуп и притворялась спящей. На рассвете она встала, согрела воду, убрала в палатке, надела ватную тужурку и простилась с партизанами.

— Не могу оставаться, — сказала она Фомину, — нет сил моих. А обузой быть не хочу. Горько мне, но уйду...

Никто не знал истинных причин ее ухода. Лишь к вечеру повар поведал всем, что Александра Мартыновна ждет ребенка. Она все время ходила в тулупе, боясь, что, заметив, о ней станут заботиться. В разведке она три раза садилась отдыхать, а партизаны ее ждали. А разве время теперь с детьми в отряде возиться?

Повар умолк, и грохот взрывов напомнил о страшной битве, которая идет на полях, на дорогах, в лесах. Но не могла заслонить эта битва такой обычный, но всегда многострадальный период в жизни женщины: рождение нового человека. Очередной разведке был дан наказ — найти в городе Уварове Александру Мартыновну, окружить ее забо-

той, поберечь от врагов. Но найти ее уже не удалось, а неделю спустя в отряде узнали, что Александру Мартыновну, связанную, привезли в немецкую комендатуру, в большую каменную новую школу.

С той минуты отряд ничего не мог о ней узнать: она исчезла. Лишь на десятый день плотник Ефрем Цыганков, отец партизана, видел, как на рассвете два немецких солдата тащили по снегу чей-то окровавленный труп, и, когда бросали его под лед озера, Цыганков узнал Александру Мартыновну Дрейман.

Как попала она к немцам, через какие пытки прошла, что стало с ее новорожденным сыном? Никто об этом не знал в Уварове. И лишь теперь из рассказов местных жителей — Анны Минаевой, Анны Гусляковой, Евдокии Каленовой, Ефрема Цыганкова, видевших, как вели и пытали Александру Мартыновну, из бесед с теми, кто сидел вместе с ней в сарае в типографском дворе и избежал казни, и, наконец, из допроса переводчика немецкого коменданта города Уварова Ильинского, который пойман нашими войсками, — лишь теперь мы можем восстановить мученический предсмертный путь матери-партизанки.

Она пришла в город ночью, поселилась в домике, где был врач. Он посоветовал лежать, не выходя на улицу: в Уварове — казни, стоны и слезы замученных, а волнение вредно перед родами. Александра Мартыновна подсчитала запас консервов и колбасы, который ей дали в отряде. Три дня она лежала, а на четвертый день в домик постучали. Александра Мартыновна выглянула в окно; у крыльца полукругом стояли немецкие солдаты. Она накинула теплый платок и открыла двери. Ворвался маленький толстый немец, ударил ее, она закачалась, но два солдата подхватили, связали руки и повели к каменному сарайчику на типографском дворе.

Там оказалось много знакомых. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу: сидеть не разрешали, да и едва ли было это возможно в такой тесноте. Александра Мартыновна продвинулась к стенке, руки, завязанные за спиной, отекали, но она молчала. Ночью ее вызвали на допрос. Солдат привел ее к немецкому коменданту города Уварова капитану Хаазе. На допросе присутствовал переводчик Ильинский. Хаазе сказал: «Сядьте!». Александра Мартыновна придвинулась к столу и спокойным голосом произнесла:

— Дайте мне родить... Мне осталось еще три дня... Потом убивайте!

Хаазе посмотрел на нее, рассмеялся, приказал солдатам

раздеть ее. Она попыталась сопротивляться, но кто-то тяжелым кованым сапогом ударил ее, она упала. Александру Мартыновну подняли, но сесть не разрешили. Хаазе сказал:

— Во имя вашего ребенка скажите нам, где находится партизанский отряд? Мы знаем, что вы оттуда.

Она помолчала мгновение и ответила:

— Я ничего не знаю и ничего не скажу. Вам удалось меня словить, стало быть, мне суждено погибать. А про отряд я ничего не скажу, сколько ни пытайте.

Хаазе еще спросил: коммунистка ли она? Александра Мартыновна покачала головой, сказала:

— Я еще малосознательная...

Потом комендант предложил ей пройти по улицам города и указать дома, где живут ее знакомые. Она пойдет босая и нагая, только в платке, но чем больше она укажет домов, тем чаще она будет греться.

Два солдата вели ее по ночному городу, морозный ветер обжигал ее тело, она куталась в платок, но шла молчаливая, завязав узелком распустившиеся светлые волосы. Ноги ее, босые и отекавшие, ступали по утопанному снегу. Под утро она вернулась к коменданту, солдат доложил, что женщина не нашла ни одного знакомого дома. Ее вернули в сарай, и все расступились: ее вид заставил всех содрогнуться. Она посинела, при свете восходящего дня даже в этом полутемном сарае можно было различать ее постаревшее и осунувшееся лицо. Она попыталась лечь на пальто, кем-то отданное ей, но немецкий солдат, сопровождаемый тем же переводчиком, всех вывел из сарая, оставив только Александру Мартыновну. Ей же лежать не разрешил: стоять, только стоять!

Три дня пробыла она в одиночном сарае полуголая, без воды и пищи. Никто не знает ни ее мыслей, ни мук, ни страданий. Только один раз к ней тайком пришла колхозница Евдокия Каленова с куском хлеба и супом. Она постучала в стенку сарая и услышала глухой стон. Каленова заплакала, ее поймали, отобрали хлеб и суп, избили.

Александру Мартыновну после этого вновь привели к коменданту. Она уже не могла двигаться от истощения и болей, тело ее раздулось от холода. Хаазе опять спросил:

— Где партизанский отряд? Это вы взорвали мост?

Александра Мартыновна посмотрела на коменданта долгим взглядом, словно соображая, о чем у нее допытываются. Потом сказала:

— Да, я — во всем я виновная...

Больше она ничего не произнесла, впала в беспамятство.

Анна Гуслякова, которая проходила мимо комендатуры, услышала чьи-то крики. Приблизившись к окну, она увидела, как двое солдат били шомполами лежавшую Александру Мартыновну. В ту же ночь начались родовые схватки, ее отвезли в сарай, бросили на холодные доски. Всю ночь в домах, прилегающих к типографскому двору, слышали крики и стоны женщины. Все знали — это Александра Мартыновна. Но под страхом смертной казни запрещалось подходить к двору. И никто не мог помочь ей, она шла по своему многострадальному и мученическому пути голодная, истерзанная пытками и побоями, несла в себе нового человека и где-то в глубине своей души находила силы и все еще продолжала жить. Она родила сына, обмыла его снегом, пробившимся в щели сарая, и потеряла сознание.

Она очнулась в комендатуре. Ее одели в какой-то грязный халат. Хаазе сказал ей:

— Ваш сын будет жить только в том случае, если вы скажете, где отряд.

Александра Мартыновна поднялась, посмотрела на всех широко раскрытыми глазами и прошептала:

— Дитё пощадите... Он ни в чем неповинен...

Ее ударили штыком, она умолкла, застонала и вдруг закричала:

— Не залить вам кровью земли нашей! Погубите сына, у меня полный лес сыновей, весь отряд!

Ее вновь ударили, ноги ее подкосились. Хаазе начал бить ее сапогом. Но муки ее еще не окончились.

Алекса́ндре Мартыновне предложили пойти в лес и указать хоть дорожку, ведущую к партизанам. Она поднялась, попросила сапоги и пальто. Она не могла двигаться, и ее усадили в сани. Ефрем Цыганков видел, как Александра Мартыновна повела немцев на восток, а отряд размещался в лесу, к западу от города. К ночи она вернулась, вернее, ее провезли по улицам города, избитую и окровавленную. В комендатуре ей показали мертвого сына. Она заплакала, впервые за все дни своих страданий, словно больше не было сил.

Ее вывели на крыльцо школы, где помещалась комендатура. Там стояли люди — их разгоняли. Александру Мартыновна вытерла слезы, будто они могли ее уличить в слабости, и произнесла скороговоркой, торопясь:

— Не склоняйте головы перед зверьем, придет час нашей победы. Прощайте, родные мои...

Ее толкнули прикладом, она соскользнула в снег, но опять поднялась, босая, измученная, посиневшая, распухшая,

истерзанная палачами. И ее голос вновь возник в вечерней тьме:

— Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?!

Но немецкие солдаты всех разгоняли, а Александру Мартыновну затащили во двор, кололи штыками, били, снова кололи, пока вместе со страшным криком она не рассталась с жизнью, как воин, как бессмертный герой земли советской.

И пока враг не будет разбит, все честные люди земли, все, в ком бьется материнское сердце, не забудут предсмертный клич Александры Мартыновны Дрейман. Он звучит, этот клич, из глубины ее мученической души. И никогда не смоеется в памяти народа образ матери, чья любовь к родине, к свободе, к земле своей оказалась сильнее всех ее материнских чувств.

Вечная и бессмертная слава ей!

О. Курганов.

Вишневое дерево

(Б ы л ь)

Июль 1941 года. Маленькое белорусское село, полностью разрушенное немцами. Среди черных развалин светится чудом уцелевшее зеленое пятно — дом с фруктовым садом, огибая который, течет ручеек. Вероятно, сад и ручей спасли дом Михаила Васильевича от огня.

Там, в саду, сидит теперь со своим штабом немецкий капитан, командир пехотного батальона. Стол и стулья вынесены, — обедают в саду. В пище и вине недостатка нет. Это все награблено в русских городках и селах.

Когда обед подходит к концу, лейтенант приказывает ординарцу нарвать с вишневого дерева корзинку вишен. Ординарец тщетно ищет лестницу. Старик Михаил, только сейчас появившийся, объясняет, что солдаты утащили на кухню все, что только может гореть.

— Достань топор, русский! — приказывает капитан. — Только живо!

Старик возвращается с топором. За ним следует его жена с корзиной. Капитан говорит старику:

— А ну-ка, русский, сруби это дерево. Мы хотим вишен. У нас нет времени лазить за ними.

Ординарец пытается словами и жестами объяснить крестьянину смысл приказа. Но тот стоит неподвижно; он смотрит только на мощное дерево, усыпанное зелеными листьями и темнокрасными вишнями. Капитан нетерпелив. Он поднимается, подходит к старику, берет его за руку и наносит ему первый удар по упругому гладкому стволу. Дерево слегка вздрагивает. Две вишни-двойняшки, висящие на одной ветке, падают вниз. Теперь нужно довести дело до конца. Но крестьянин все еще стоит с топором в руке и беспомощно смотрит на глубокую рану в стволе дерева.

— Начинай! — кричит капитан. — Я с тобой не шучу!

Он зашел уже так далеко, что отступать поздно. Офицеры наблюдают за ним. Вино ударило ему в голову. Как будто «честь немецкой армии» поставлена на карту. Он вытаскивает револьвер и направляет его на старика:

— Проклятый русский, долго ли тебя дожидаться, ленивая собака?!

Крестьянка быстро подходит к мужу и что-то шепчет ему. Глубоко вздохнув, старик берет топор и начинает рубить ствол. Дело подвигается медленно. При каждом ударе слышится стон дерева. Падает град вишен. Может быть, их хватило бы на десерт офицерам? Однако все молчат. Только дерево стонет. Старик Михаил глубже вгоняет топор в ствол. И все же дело подвигается медленно. Теперь ординарцы находят широкую пилу. Они хотят спилить ею дерево. Капитан, который безучастно сидел за своим стаканом вина, окликает их:

— Отойдите! Это не ваша работа. Дайте пилу обоим русским.

И на этот раз старик медлит. Он поворачивается и с изумлением смотрит на капитана. Однако опять к нему подходит жена. Она взяла пилу и сует ему в руку рукоятку. И тогда оба старых человека начинают спокойно и размеренно водить пилой по стволу... Туда и назад, туда и назад.

Молодые офицеры скучают. Они играют в «скат». Капитан сидит немного поодаль, вытянув ноги, облокотившись обеими руками о стол; он смотрит воспаленными от вина глазами на сверкающий сад и на могучее дерево, на котором покачиваются тысячи красных колокольчиков. На момент движение пилы в руках стариков приостанавливается. Крестьянин проводит рукой по лбу и глазам. Он поднимает голову и тоже смотрит на крону дерева, его вишневого дерева, которое он выращивал многие годы, за которым он годами ухаживал и под которым он с женой не один летний

вечерок и не одну теплую лунную ночь сидели. Он взглядывает на свою жену, у нее также выступил на лбу пот. Она грустно усмехается, затем ободрительно кивает ему и снова берется за ручку пилы.

Дерево начинает качаться. Капитан вскакивает и отступает. Остальные офицеры тоже, побросав карты, отходят в сторону. Ординарцы накинули несколько веревок на сучья вишневого дерева. Они тянут изо всех сил. И дерево рушится. Как будто из земли раздается пушечный выстрел. Еще раз поворачивается могучий ствол вокруг своих ветвей. Теперь, кажется, конец. Оба старика хотят уйти. Нет, это еще далеко не конец. Если уж начали, то выполните работу до конца! Женщина должна еще собрать вишни и, аккуратно сложенные в корзину, принести их офицерам. И вторую корзину тоже должна она собрать для ординарцев, и третью — для наружной охраны. Кроме того, господин капитан любит шутки. Он вешает старому крестьянину и его жене по двойняшке вишен на уши, он поднимает стакан и опорожняет его одним глотком:

— Ваше здоровье, русские! Вы свое выполнили. Сегодня можете гулять. Завтра будет новая работа. Ступайте!..

Правда, на следующее утро капитан не смог распределить обещанную работу. Между прочим потому, что он и его адъютант были найдены с проломленными черепами в их комнате. А отчасти и потому, что старых крестьян к утру уже нельзя было найти. Даже топора, при помощи которого они убили, нельзя было нигде отыскать. Единственное, что старые крестьяне оставили, — это по двойняшке красных вишен. Они висели, как две большие застывшие капли крови, на ушах убитого капитана и его адъютанта.

В этот день немцы сожгли также и этот последний домик маленькой деревушки.

* * *

Война продолжалась. Огонь охватывал не только города и села. Разгорелась неистовая ненависть и ярость народной борьбы. На всем протяжении двухтысячекилометрового гигантского фронта день и ночь звучали выстрелы партизан, уничтожались сотнями немецкие мотоциклисты и обозные немецких колонн с боеприпасами и продовольствием. И на проселках и лесных дорогах между Минском, Борисовом и Смоленском среди сотен убитых партизанами гитлеровских солдат можно было всегда найти — в большинстве случаев это были офицеры — людей с раскрытыми черепами, как будто людей этих убивали топором. И еще одну особенность имели эти убитые: у каждого на ухе висели

двойняшки вишен. До августа это были свежие, сочные красные вишни, в сентябре — уже засохшие ягодоподобные вишни, в октябре — только сморщившиеся, с горошинку, вишневые мумии.

Все меньше становились вишни, которыми «вишневый дядя»-партизан отмечал свои жертвы. Только такими же глубокими оставались раны в черепах гитлеровских офицеров, убитых ударами топора партизана.

Фридрих Вольф.

Дом господина Эшке

Большой бревенчатый дом стоял в глубине двора, в переулке, укрытом ветвистыми тополями, и не всякий прохожий заметил бы его, особенно в сумерки или в метель, когда мокрый снег слепит глаза и сбивает с пути. Но унтер-офицер Фердинанд Эшке, пропустив впереди себя дребезжащий обоз, остановился именно около этого дома и похозяйски уверенно повернул кольцо калитки. Взъерошенный, страшный пес, оскорбленно залааяв, рванулся ему навстречу. Унтер-офицер расстегнул было кобуру, но тут же заметил, что пес на цепи, и спокойно пошел дальше, оставляя в пушистом снегу глубокий след тяжелых, кованых сапог.

Похоже было, что в доме никто не живет. Высокое крыльцо было завалено снегом, ставни закрыты, а маленькое окошечко в дубовой двери затянуто морозным инеем. Унтер-офицер все-таки постучал. Он постучал раз и два. Потом гневно ударил сапогом в дверь. И наконец услышал мягкие шаги за дверью.

— Вам кого? — тихо, без удивления спросил старик, осторожно высунувшись в чуть приоткрытую дверь.

— Здравствуйте, — вежливо и настойчиво сказал унтер-офицер и, так же вежливо и настойчиво отодвинув старика, вошел в переднюю, в полутьму и тепло чужого жилища.

Больше спрашивать было не о чем. В город вошли немцы. И старик, стоявший у входа в столовую, приготовился ко всему. Он не удивился бы, если бы немец выстрелил в него. Но коротконогий толстолицый немец улыбался и пристально и молчаливо, как оценщик, рассматривал мебель, стены и самого старика, обутого в мягкие, войлочные туфли.

В столовой попрежнему стоял длинный стол, за которым

недавно еще собиралась большая семья: два сына, три дочери, зять и племянник-агроном, приезжавший из деревни погостить к дяде в город Венев. А теперь все разъехались. Оба сына — шофер и слесарь — ушли в армию, одна дочка — фельдшерица — уехала на войну в первые же дни, зятя давно ранили, две дочери поехали к нему в госпиталь, да там и остались санитарками, а где племянник, — этого никто не знает. Говорили, будто ушел он к партизанам. Может быть, и в самом деле ушел. Все ведь ушли. Остались только старик со старухой. И вот сейчас немец шагает по их дому, по теплым комнатам, где они прожили почти сорок лет.

Дом этот сколочен собственными руками, вот этими, все еще крепкими руками потомственного плотника. Взрослые дети помогали утеплять этот дом, благоустраивать его. Посадили фруктовый садик во дворе. Каждую весну обмазывали стволы деревьев известью, каждую осень обматывали их тряпьем и рогожей, чтобы мороз не потревожил, чтобы заяц не обгрыз. Постепенно завели корову, козу, гусей и посадили сторожить имущество свирепого пса Баритона. Все было свое, нажитое, заработанное.

А сейчас — странное дело — ничего не жалко старику Бахмачеву. И только противно, что чужой человек, чужеземец, трогает руками его, старика, добро и на толстом немецком лице шевелится улыбка, ненужная для грабителя и очень обидная для хозяина. Может, немец из вежливости улыбается. Хочет показать, что они культурный народ. Ну пусть показывает. Пес с ним.

Немец поднимает зачем-то на свет крошечные валенки покойного внука. Дед отворачивается: противно ему до боли смотреть в этот момент на немца. И зачем тут оказались валенки внука? Потом немец снимает с вешалки шубу самого старика. Шуба немцу, должно быть, нравится. Он щелкает языком. Примеряет ее. Она великовата ему. Но он все-таки, видимо, думает взять ее и говорит старику, что если сюда, когда он уйдет, явятся немецкие солдаты, следует им сказать, что эта шуба принадлежит ему, унтер-офицеру Фердинанду Эшке. И тут же он замечает велосипед. Хороший велосипед. Племянник обычно ездил на нем из деревни в Венев. Немец говорит:

— Эта машина имеет господин Эшке.

— Это же племянника велосипед, — объясняет старик. — Шуба моя. Я тебе ничего не говорю. Бери. А это племянника вещь. Понятно?

— Молшат! — вдруг закричал немец. — Я сказала. Эта машина есть собственность господина Эшке.

— Ну пес с тобой, — сказал старик, — Ешка, так Ешка. Он терпеливо молчал все время, пока немец осматривал и ощупывал вещи и приказывал говорить о каждой, что она принадлежит господину Эшке. Наконец немец заинтересовался портретами на стене. На один портрет он долго смотрел. Потом спросил:

— Это кто? Фатер? Отитец?

— Это Гегель, — сказал старик.

— Кто?

— Кант.

— Что есть Гегель?

— Ну это я тебе в точности не могу объяснить, — сказал старик. — Это дочка моя тут его повесила. Ученый он у вас какой-то, Гегель. Дочка моя в институте его изучала. И вот повесила тут. Из уважения.

— Коммунист? — сердито спросил Эшке.

— А кто его знает, — сказал старик.

Унтер-офицер заорал, замахнулся на старика, но не ударил, а только толкнул и приказал сейчас же снять портрет. Нерасторопность старика раздражала унтер-офицера. В конце концов, он сам сдернул со стены портрет и растоптал его ногами.

— А может, и не коммунист, — сказал старик. — Темный человек что угодно может растоптать.

Немец вошел в спальню. На большой, двухспальной кровати лежала старуха. Немец сдернул с нее одеяло. Он чего-то испугался вдруг. И спросил тревожно:

— Чей женщина?

— Жена моя, — сказал старик. — Хворает. Вот я при ней и нахожусь.

Немец со всех сторон осмотрел кровать, осмотрел даже все под кроватью. Снова потрогал одеяло. И почти задумчиво сказал:

— Эта кровать имеет собственность господина Фердинанда Эшке.

И вдруг закричал:

— Убирайт женщина! Нельзя здесь женщина.

— Хворает же она. Я тебе объясняю, — сказал старик. — Куда же я ее, больную, дену?

Но немец продолжал кричать:

— Убирайт женщина! Убирайт!

Видимо, он сам боялся захворать, что ли. Иначе старик Бахмачев никак не мог объяснить поведение немца. Немец вышел из спальни. Он теперь хотел осмотреть хозяйство. Он побывал в коровнике, в курятнике. Осмотрел все тщательно.

Потом долго со двора осматривал дом. И после осмотра сказал старику, что всем, кто спросит, надо говорить, что это дом господина Эшке, что в этом доме живет господин унтер-офицер Фердинанд Эшке.

Все ему, должно быть, понравилось. И корова, и коза, и гуси, и пес Баритон. Унтер-офицер был очень доволен, что оказался предусмотрительным и в первую минуту не застрелил злую собаку. Именно злая собака должна охранять его, господина Эшке, дом.

Боялся только, видимо, Эшке, как бы другие немцы не захватили это облюбованное им жилище. Ведь не напрасно, опередив всех квартирьеров, он явился сюда. Все вещи должны принадлежать только ему одному. И тут много хороших вещей. Наконец-то Луиза будет довольна...

Осмотрев все, Эшке сказал, что он сейчас уйдет, но через час, через два придет снова. Поэтому старик должен все сохранить до его прихода в полном порядке. За это господин Эшке обещает ему не убивать его, старика, детей, если он встретит их на фронте, и не убивать самого старика. Но, если старик ослушается, господин унтер-офицер вынет вот эту штуку...

Немец похлопал себя по кобуре и, улыбнувшись, сказал:
— Пиф-паф.

— Ужас, как ты меня напугал, — сказал старик. — Ну, стреляй!

— Я тебя знайт, старик! — закричал вдруг с визгом господин Эшке. — Я тебя знайт! Я знайт, где твои дети!..

Об этом, конечно, не мог знать господин Эшке. Но он уже привык так пугать каждого старика, встреченного то ли на дорогах Польши, то ли на дорогах Франции, то ли на дорогах России. Он привык пугать.

Через час он явился снова в сопровождении рослого медлительного солдата. Унылый этот детина всю ночь запаковывал посылки, запихивая в мешки добро старика Бахмачева. А сам унтер-офицер сидел около него с блокнотом и карандашом, тщательно записывал каждую вещь, боясь, как бы при упаковке солдат не стащил чего-нибудь. Старик Бахмачев при этом не присутствовал. Он сидел в темной комнате около больной жены, перенесенной сюда из спальни, и все говорил ей одно и то же, успокаивая ее:

— Ничего, Клавдия. Ничего. Все равно Москву они не возьмут. Никогда не возьмут. Кишка у них для этого слишком слабая, чтобы взять Москву...

И похоже было, что имущество этих стариков, все их достояние, нажитое за всю жизнь, находится не здесь, в

этом домике, а где-то в Москве. Не попадет туда немец. Никогда не попадет.

— Все считают, — сказала старуха, прислушиваясь к чужому говору в соседней комнате. — Наше считают. Наше добро, Федя.

— Пусть считают, — сказал старик. — Пусть считают.

Он вышел на кухню, чтобы принести жене пить, и, проходя через столовую, увидел много тюков. Немцы прервали на минутку свое занятие, и унтер-офицер, привстав со стула, стал объяснять старику, что все это делается в его старика, интересах, и тюки запаковываются в его интересах, в его же интересах дом становится собственностью господина Эшке. Могло бы быть хуже, если б этим занялись немецкие солдаты. Было б много хуже.

— Да бери ты, бери, — брезгливо успокоил его старик. — Раз ваша взяла, бери. Ну, а когда наша возьмет, тоже не жалуйся.

— Молшат! — закричал немец, не поняв, но догадавшись, что старик сказал что-то очень обидное для германской армии. — Я тебя знайт, старик!

После этого разговора немец распорядился, чтобы старик больше никогда не появлялся перед его, господина Эшке, глазами. Пусть, пока больна старуха, он сидит с ней в этой маленькой комнате. А когда старуха поправится, они должны уйти отсюда навсегда. Навсегда уйти. Иначе господин Эшке объявит их партизанами, и тогда их вздернут где-нибудь на площади в назидание другим. Вздернут на фонарь.

Больше старик Бахмачев и в самом деле ни разу не появился перед глазами унтер-офицера. Он выходил из темной комнаты только в часы, когда унтер-офицер отсутствовал. Все в доме делалось без ведома старика. Будто его вовсе тут не было никогда.

Унылый Карл, похожий на гигантскую, плохо разрисованную куклу, каждый день, по приказанию унтер-офицера, входил в гусятник и отрубал голову очередному гусю. Потом он жарил его на кухне, распространяя удушливый чад на всю квартиру, и ждал унтер-офицера к обеду. Он же доил корову и кипятил воду для господина Эшке.

Баня в городе не работала. И господин Эшке никак не мог отмыться после многодневного марша. Он мылся каждый день, усаживаясь в детскую цинковую ванну, но вши попрежнему заедали его. Наконец Карлу посчастливилось найти где-то большое деревянное корыто. Он наготовил для него кипятку, и унтер-офицер впервые смог погрузить все

свое начесавшееся тело в суровую, но благодатную воду. Он мылся долго, чмокал, вздыхал, отфыркивался. Потом вытерся насухо мохнатой хозяйской простыней, натянул теплые стариковские подштанники, надел шелковую сорочку зятя, выпил несколько рюмок водки, плотно закусил и лег спать.

На широкой, двухспальной кровати хозяев уверенный господин Эшке почему-то всегда чувствовал себя неуверенно. Перед сном он обязательно осматривал всю кровать, заглядывал даже под матрац и, убедившись, что ничего подозрительного вокруг нет, все-таки звал Карла:

— Карл, твой начальник поручает тебе охранять его покой.

Карл понимающе наклонял голову и через минуту уходил спать. Все это повторялось в точности каждый вечер. Унтер-офицер, вообще говоря, не страдал бессонницей. Но в этот вечер после горячей ванны он долго не мог уснуть. Он ворочался, сопел, вздыхал. Поскорее бы окончилась эта дьявольская война и можно было бы начать устраиваться по-настоящему! Надо только поскорее утихомирить этих упрямых русских, и тогда жизнь пошла бы нормально. Господин Эшке не стал бы искать себе другого места. Он мог бы остаться даже в Вене, вот в этом самом доме. Разве это плохой дом? Он перевез бы сюда Луизу и детей — Карла и Вилли. Луиза давно мечтает о тихой жизни. Чем здесь не тихая жизнь? Ведь не вечно будут греметь пушки? Партизаны? Но это только во время войны. А потом не будет никаких партизан. Будут работники. Может быть, после войны господин Эшке не будет слишком суров к этим бывшим хозяевам его, господина Эшке, дома. Очень возможно, что он оставит их у себя в работниках, и они будут всю жизнь благодарны ему за то, что он не убил их и не выгнал, а дал возможность жить...

Где-то совсем близко загремели танки. Унтер-офицер прислушался и улыбнулся: это гремели немецкие танки. Они расположились как раз позади дома господина Эшке. Они охраняют его благополучие. И, видимо, будут охранять. Он обоснует здесь большую молочную ферму и будет вывозить молоко в Москву. Луиза будет счастлива...

И на этом господин Эшке уснул. Он спал, утонув в хозяйских перинах. Ему было душно. Он разметался во сне. Но вдруг в этот семейный сон ворвался майор Штрайх. Всклокоченный, грозный, он вдруг начал выгонять унтер-офицера из его дома. Унтер-офицер был удивлен и видом майора, и его поведением, и больше всего тем, что майор почему-то ругал его не по-немецки, а по-русски.

— Выходи! — кричал майор. — Выходи, или я тебя.

Майор кричал так оглушительно, что унтер-офицер даже проснулся от этого крика и, к несказанному своему удивлению, увидел, что перед ним, господином Эшке, стоит не майор, а старик Бахмачев.

— Выходи! — кричит старик Бахмачев, и в руках у него топор.

— Эшке стал искать под подушкой револьвер. Но его не оказалось. И одежды тоже не было около него. Голый господин Эшке вытащил ноги из-под одеяла и крикнул три раза, как ворона:

— Карл, Карл, Карл!

Но никто ему не ответил. А старик Бахмачев спокойно сказал:

— Ну, выходишь, что ли, рыжий дьявол?

И спокойствие это больше топора напугало господина Эшке. Он понял, что произошло что-то непоправимое. Он накинул на себя одеяло и молча пошел из спальни. Но старик сдернул с него одеяло. Не сказав ни слова, голый унтер-офицер поднял с пола дырявый коврик и, прикрывшись им, вышел на кухню. Он надеялся, может быть, найти своего верного Карла.

Карла, однако, нигде не было. А старик Бахмачев стоял, вооруженный плотницким топором, и по глазам его было видно, что достаточно будет унтер-офицеру сделать одно подозрительное движение, как старик немедленно приведет в действие этот страшный русский инструмент.

— Выходи, — еще раз повторил старик.

И если господин Эшке правильно понял, старик приглашал его, голого, выйти прямо на улицу, на снег. Но ведь он недавно принял горячую ванну. Ведь он может простудиться.

— Выходи, последний раз прошу, — сказал старик. — Оглух, что ли?

И господин Эшке, наконец, повиновался. Он вышел на заснеженное крыльцо. Падая хлопьями мокрый снег. Почти у самого крыльца прогремел выстрел. Господин Эшке попятился к двери. Но старик толкнул его, и, ужасаясь своему будущему, унтер-офицер поставил ногу в глубокий снег.

Позади дома, где стояли немецкие танки, было видно багровое зарево. А вдоль улицы с криком и цоканьем скакали всадники. Унтер-офицер взгляделся в них и, повернувшись к старику, как бы объясняя ему и жалуясь, закричал:

— Казакен, казакен!

— Я не слепой, — сказал старик. — Я сам вижу, что

казаки. Я же тебя для этого побеспокоил, чтобы казакам сдать. А как же?

— Зима! Мой одежда, мой одежда!

Но старик уже держал в руках его одежду, его унтер-офицерский мундир, сиреневые штаны и разбитые сапожки. Он бросил их ему.

— Найн, — сказал немец. — Я хотел ваша одежда. Я есть ваш арбайтер, работник, слуга.

— Ну, это ты лишнее говоришь, — сказал старик. — Мне работники пока не требуются. Я еще, слава богу, сам работник, дай бог всякому. А ты, давай, выходи со двора. Нагляделся я на вас, немцев, достаточно. Будет. Пусть с тобой казаки займутся...

И так как собеседников подходящих не было, старик посмотрел на пса Баритона, с рычаньем выползшего в этот момент из своей конуры, и сказал ему:

— Чего захотели? А? Москву хотели взять! Ну разве ж это — мыслимое дело?

Павел Нилин.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Чудовищный приказ гитлеровского генерала об уничтожении всех исторических и художественных ценностей и об истреблении мужского населения в захваченных немцами советских районах („Известия“, 15 января 1942 г.)	3
Чудовищные преступления немцев в селе Ксты („Правда“, 29 января 1942 г.)	6
Письмо матери („Правда“, 29 января 1942 г.)	7
Из фронтового блокнота („Известия“, 12 февраля 1942 г.)	9
Восемь снимков („Известия“, 4 февраля 1942 г.)	11
Пережить черные, страшные дни („Рабочий край“, 12 февраля 1942 г.)	13
Возвращение („Правда“, 8 января 1942 г.)	15
О восьми повешенных в Волоколамске („Правда“, 31 января 1942 г.)	19
Таня („Правда“, 27 января 1942 г.)	24
Мать („Правда“, 7 февраля 1942 г.)	28
Вишневое дерево („Известия“, 12 февраля 1942 г.)	33
Дом господина Эшке. Рассказ П. Нилина	36

Составитель Д. Г. Прокофьев. Редактор М. Х. Кочнев. Подписано к печати 6/V 1942 г. КЕ-789. Тираж 5000 экз. Печ. л. 2^{3/4}. Уч.-изд. л. 1,92. В печ. л. 39744 тип. зн. Цена 30 коп.

Типография издательства Ивановского областного совета депутатов трудящихся, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ 1155.

